

История познается в сравнении

ВЛАДЕЛЕЦ стокгольмского магазинчика, продавший политэмигранту Ульянову кепку весной 1917 года, и не подозревал, сколь роковую роль сыграет этот предмет в судьбе России... По крайней мере так считает наш собеседник - историк, генеральный секретарь Международной комиссии по истории русской революции Владимир БУЛДАКОВ.

- Владимир Прохорович, ленинская кепка действительно стала неким символом. Ведь Ленин до 47-летнего возраста носил вполне респектабельные

котелки и мягкие шляпы. Но в народной памяти он остался именно человеком в кепке.

- Ленин, бесспорно, обладал колоссальной политической интуицией. Момент его появления оказался чрезвычайно удачным. И своим обликом он тоже "попал в десятку". В эмиграции до него доходит известие о том, что в Петрограде революция, свергли царя. У Ленина это ассоциируется с Французской революцией, с движением народных масс, с "низами". И он напяливает на себя "народную"

кепку, больше похожую на головной убор шансонье парижских кабачков, чем на картуз российского рабочего.

Ничего более нелепого представить невозможно: человек в буржуйской "тройке" и непонятном головном уборе, к тому же картавый. Картавили, как известно, на Руси либо евреи, либо аристократы - те грассировали на французский манер. В иной ситуации такой оратор не имел бы никаких шансов в рабочей аудитории. Но в 1917 г. массы хотели видеть и слышать новых

людей. А Ленин в кепке не походил ни на кого и потому мог встать над всеми.

Имидж политика в те дни значил очень много. Первое место в умах людей поначалу заняли эсеры. В глазах обывателя у этой партии было загадочное, подпольное прошлое: бомбисты, люди дела... Но их ведущий теоретик и оратор - Виктор Чернов - совсем не соответствовал имиджу партии. Седовласый, румяный, он не был похож на решительного человека, да и говорил слишком вычурно... И популярность

эсеров быстро покатила вниз.

В ораторе 1917 г. - и в его речи, и в облике - должен был обязательно присутствовать элемент нетерпимости, ненависти. Здесь большевики превзошли всех. Даже Каменев, в жизни человек мягкий и нерешительный, на трибуне выглядел ниспровергателем основ - с хриплым голосом, грозными жестами...

Самой видной фигурой среди ораторов-большевиков был, конечно, Троцкий. Он имел хорошо поставленный голос и на трибуне просто неистовствовал.

Говорили, что он заряжал толпу ненавистью и сам же этой ненавистью "подпитывался".

На фоне Троцкого Ленин казался плохим оратором. Он, правда, в отличие от Чернова, не терялся и хорошо отвечал на реплики из зала. Но в его речах не было предельной страстности, что в сочетании с невзрачной внешностью вроде бы выглядело большим "минусом". Но он брал жесткой деловитостью. Сила его убежденности была такова, что у слушателей возникало необычное ощущение:

дескать, то, о чем он говорит, уже почти сделано.

- У нас за кадром остался еще такой видный деятель, как Керенский...

- Керенский был блестящий оратор особого рода. Его речь заводила в эмоциональном плане, в смысле "вер и надежд", хотя с точки зрения стенограммы иногда получалась полная чушь. Но в 1917 г. на одном этом долго удерживаться было невозможно. Люди быстро почувствовали актерство, а главное - отсутствие силы.

Керенский допускал грубейшие

ошибки психологического плана. Например, прибыв в мае в Измайловский полк уже в ранге военного министра, он вместо того, чтобы говорить о войне и мире, разразился речью о "свержении тиранов". Причем для выступления влез на качающийся стул, поставленный посередине плаца. Шаткий стул, шаткая власть.

- Как вы относитесь к модной аналогии "Керенский - Горбачев"?

- Ну, это сравнение не точное. Горбачев оратором как таковым никогда не был. С Керенским его

роднит, пожалуй, чрезмерное самолюбование. По части же упрямства Горбачев ближе к Николаю II. А по стилистике выступлений - к Чернову. Тот также "лил воду" до бесконечности"

А вот Гайдара я бы сравнил с вождем кадетов Милюковым образца весны 1917 г. Оба оказались совершенно неспособными говорить с массой. Милюков, образованнейший человек и опытный политик, был страшно "упертым": он категорически отказывался подлаживаться под толпу. Даже начинал выступления

не с обращения "товарищи" или хотя бы "граждане", а со старомодного: "Милостивые государыни и милостивые государи..." Представьте, как это звучало где-нибудь на Выборгской стороне в Петрограде!

В целом же модные нынче параллели с 1917 г. достаточно относительны. Некоторые стороны современного российского общества мне напоминают, скорее, смуту начала XVII века. Это ситуация, когда центральная власть не просто напрочь теряет престиж - ей начинают приписывать

все мыслимые и немыслимые грехи. Скажем, приписала молва Борису Годунову убийство царевича Димитрия - и все сразу поверили... Правда, и самозванцы показались со временем не лучше.